

Когда Тони Твена втокнули в операционную для проведения операции по вживлению кардиостимулятора, Аллан Адамс подписывал контракт в столице Испании, Мадриде.

Рядом с ним были налиты бокалы шампанского, которые спокойно поставили на стол.

Когда человек напротив также подписал контракт, оба мужчины подняли бокалы с вином и подняли их в знак тоста. "Это отличное сотрудничество, мистер Аллан Адамс".

"Да, каждый из нас получает то, что ему нужно. Мистер Миятович".

"Тост за наше сотрудничество".

"Ваше здоровье".

□□□

Тем временем, в Ноттингеме, Англия.

Франк Рибери смотрел на стоящий перед ним двухэтажный особняк, который он купил на сумму отступных после перехода в "Ноттингем Форест". Он прожил в нем уже четыре года и сегодня должен был съехать.

Он поручил своему агенту продать дом на рынке жилья Соединенного Королевства.

После этого Ноттингем останется для него только воспоминаниями.

Сегодняшняя погода ничем не отличалась от предыдущих дней. Небо было мрачным, дул холодный ветер, как будто в любой момент мог начаться дождь. Кирпичные дома с красными крышами и белыми стенами тихо стояли в лесу, где от деревьев остались только голые ветки. Шумные птицы доносились из леса, сопровождаемые порывами волнистого ветра. Это не успокаивало человека.

Он провел здесь бесчисленное количество дней и ночей. Он устроил вечеринку на лужайке перед домом, чтобы развлечь своих товарищей по команде. Однажды он толкал детскую коляску и вместе с женой прогуливался по лесной тропинке и играл здесь со своим ребенком. Он также загорал в одиночестве на траве, но это было редко...

Он не вернулся в Уилфорд, чтобы попрощаться с товарищами по команде, потому что боялся встретить их недовольные взгляды. Он знал, что с тех пор, как он решил перейти в "Реал Мадрид", некоторые люди в команде презирают его и думают, что он хотел сбежать, увидев неудачу "Ноттингем Форест".

Он признался, что действительно принял решение уйти, потому что босс потерпел крах, но он не думал, что убегает. Он просто уехал в поисках лучшей жизни. Если бы начальник был рядом, он бы не ушел. Он точно не ушел бы, даже если бы уволил болтливого агента. Он бы не ушел от босса. Но теперь никто... не знал, сможет ли босс вернуться в Уилфорд или нет. Ему не нужно было продолжать оставаться здесь.

Пике ушел, Бендтнер ушел, и теперь настала его очередь. Что еще могло остаться от всемогущего и надменного "Ноттингем Форест", который в то время гремел на всю Европу...

Позади него раздался звук автомобильного клаксона.

"Франк! Пора уходить! Ты опоздаешь на самолет, если будет позже!". Его агент Бруно Хайдершайд кричал ему из машины. "Погода такая холодная. Что ты делаешь, стоя на улице?"

Рибери затянул воротник и закутался в пальто. Он повернулся и пошел к машине, припаркованной на обочине дороги.

Позади него дом под темными облаками медленно расплывался, как бы сливаясь с лесом позади. Затем дом исчез, и на открытом пространстве появился стадион City Ground. Оттуда доносились громкие звуки.

"Форест, Форест! Ноттингем Форест! Мы чемпионы! Мы непобедимы! Вперед - Форест, Форест, Ноттингем Форест...".

На фоне этой песни Рибери не повернул головы назад, когда садился в машину и спешил прочь.

□□

В тот же день после обеда Рибери прибыл в Мадрид, Испания. После простого медицинского осмотра он принял участие в большой пресс-конференции. На пресс-конференции он принял из рук почетного президента "Реала" Ди Стефано белую майку с 18-м номером и своим именем.

Затем он поприветствовал присутствующих испанских репортеров на испанском языке, с улыбкой сказал, что ему очень нравится погода в Испании, чем вызвал их смех. После этого он сказал, что поможет "Реал Мадриду" пережить трудные времена, и он приехал сюда не для того, чтобы почувствовать вкус поражения.

Затем он отправился на стадион, чтобы продемонстрировать свои навыки, и заслужил аплодисменты присутствующих болельщиков.

После завершения публичного мероприятия он вместе с женой и ребенком прогулялся по пустому стадиону "Бернабеу", чтобы получить представление о домашней площадке международного клуба, которая поражала своими размерами.

Стадион "Сити Граунд" был похож на школьный кампус по сравнению с "Бернабеу"...

Более высокая зарплата, большее поле, больше внимания... и больше почестей?

Рибери обнял свою жену левой рукой, а правой обнял дочь. Солнечный свет Пиренейского полуострова был теплее и ярче, чем в Англии. Ему даже было немного жарко, на лбу выступил тонкий слой пота.

Хотя он был уже на "Бернабеу", он подумал: не впадет ли босс в ярость от того, что он не попрощался? Сможет ли его сердце выдержать это?

□□

Через некоторое время официальный сайт "Ноттингем Форест" сообщил, что Франк Рибери официально перешел в мадридский "Реал" за пятьдесят пять миллионов евро. За официальной статьей на сайте последовала благодарность Рибери за его вклад в команду в течение четырех лет, благодарность за количество чемпионских трофеев, которые он принес команде, и, наконец, пожелание всего наилучшего в Мадриде, Испания.

Испанские СМИ пели дифирамбы приезду Рибери. Они утверждали, что он был первым человеком, который мог изменить слабость флангов "Реал Мадрида", и что он был суперзвездой мирового класса. После ухода Робиньо и травмы Роббена адмирал флангов, которого так долго ждал "Реал Мадрид", наконец-то появился. Шустеру будет лучше во второй половине сезона.

Но не было ни одного горячего упоминания о том, как переживет зиму "Ноттингем Форест", переживающий не лучшие времена.

Твен, который лежал на больничной койке в Королевской больнице Ноттингемского университета и еще не пришел в сознание после операции, не был в курсе всего.

□□□

Когда Твен снова очнулся, он увидел не Шанайю, а улыбающееся лицо Стэнли Мейера.

"Это хорошо, ты очнулся.

На этот раз довольно быстро". сказал он.

"Сколько я спал?" - спросил Твен.

"Восемь часов. Анестезия уже давно закончилась, но ты продолжал спать еще какое-то время".

Твен повернул голову и увидел Шанию, которая, как и ожидалось, дежурила рядом с ним. Когда Шания увидела, что он проснулся, она улыбнулась ему.

Увидев улыбку, Твен почувствовал облегчение. Это свидетельствовало о том, что операция прошла очень хорошо и беспокоиться не о чем.

Конечно, позже Майер подтвердил его гипотезу и сказал: "Операция прошла очень гладко. Вам не о чем беспокоиться. Теперь у вас здесь устройство с ядерным двигателем, полное энергии!". сказал он, указывая на сердце Твена.

"Итак, могу ли я вернуться в команду?"

Мейер покачал головой и сказал: "Нет. Вы только что перенесли операцию и еще не оправились от сердечного приступа. Вам нужно как минимум пять месяцев на восстановление". Он вытянул пять пальцев.

У Твена открылся рот: "А это не слишком долго?".

"Нет, это совсем не долго. Сердечным пациентам необходимо время на восстановление. Сердце - это не палец, которому требуется всего несколько дней на восстановление, если есть проблемы. Ваше тело еще слабое и нуждается в медленном восстановлении. Я беспокоюсь, что если вы немедленно вернетесь в такую стимулирующую среду, даже батарея, питающаяся антиматерией, не спасет ваше сердце, мистер Твен."

"Но команда..." Твен все еще не мог забыть "Ноттингем Форест", в который он бросил все свои силы.

На лице Стэнли Мейера мелькнуло странное выражение, а затем он улыбнулся и сказал: "Считайте, что вы дали себе полугодовой отпуск, мистер Твен. Шанс, который многие менеджеры не могут получить. Не обращайтесь внимания ни на что, связанное с футболом."

Пусть мисс Шанайа остается с вами. Через полмесяца вас можно будет выписать из больницы. Однако вы все равно должны часто приходить на осмотры, чтобы мы имели представление о вашем состоянии".

Твена не волновали эти вопросы. Он все равно спросил: "Так когда я смогу снова сосредоточиться на футболе?".

Мейер немного подумал, прежде чем ответить: "Через четыре месяца.

Вы только что закончили операцию, и есть несколько рекомендаций, которые вы должны знать: держитесь подальше от сильного магнитного поля. Не открывайте капот, чтобы проверить двигатель, если машина сломалась. При пользовании мобильным телефоном не забывайте пользоваться правой рукой, а также не кладите телефон в левый нагрудный карман; не допускайте контакта области кардиостимулятора с твердыми предметами. При вождении автомобиля следите за тем, чтобы ремень безопасности не давил на кардиостимулятор. В течение трех дней после операции вы должны находиться в постели. В течение семи дней не делайте интенсивных физических упражнений, не поднимайте левую руку и следите за тем, чтобы в будущем эта рука не нагружалась... Кроме того, мистер Твен, вы не должны думать, что если вам установили кардиостимулятор, то у вашего сердца больше нет проблем. Вы должны пройти весь курс лечения, постоянно носить с собой лекарства и принимать их по назначению".

Твен горько рассмеялся, лежа в постели: "Что бы я ни слышал, я чувствую себя восьмидесятилетним стариком".

"Это необходимая мера, чтобы защитить вашу жизнь". Мейер утешил его с улыбкой: "Пожалуйста, строго следуйте им. Я также сказал мисс Шанайе, что необходимо обращать внимание на эти вещи в повседневной жизни. Я знаю, что мисс Шанайа не всегда может быть с вами, чтобы заботиться о вашей повседневной жизни. Пожалуйста, наймите профессиональный медицинский персонал, чтобы он позаботился о вас позже. Мистер Твен, боюсь, что с этого момента вы должны попрощаться со своими привычными старыми привычками".

Твен мягко кивнул и сказал: "Я знаю, знаю... Хотя это и печально, но я могу только строго следовать предписаниям врача, чтобы жить".

"Лишь бы все было чисто, вы будете в порядке, мистер Твен. В таком случае, я не буду мешать вашему отдыху". Он ушел вместе с медсестрой.

В палате снова остались только Шанайа и Твен.

Твен посмотрел на свою возлюбленную и сказал: "Мне понадобится не менее пяти месяцев, чтобы снова приступить к работе. А как насчет тебя? Шанайа, когда ты собираешься вернуться на работу?".

У Шанайи, казалось, уже был план.

Она сказала с усмешкой: "Вы посмотрите на меня, если я скажу, что у меня тоже пять месяцев?".

Как и ожидалось, Твен захотел на нее посмотреть.

"Итак, когда вы будете в лучшей форме, я найму для вас профессиональную сиделку, которая

будет заботиться о вашей повседневной жизни. Тогда я смогу уйти со спокойной душой... Конечно, мы должны нанять сиделку-мужчину!"

Твен закатил глаза: "Ах, ты умеешь так быстро вызвать ревность".

Шанайа взяла в руки мягкую игрушку Тоторо, которую она взяла из дома, чтобы спать с ней, и спрятала свое лицо за игрушкой. Затем она осторожно вытянулась вперед и сказала: "Я принадлежу только дяде Тони, а дядя Тони принадлежит только Шанайе".

Услышав ее слова, Твен вдруг задумался: "А твои родители знают, что у нас теперь... отношения?".

Шанайа покачала головой и ответила: "Я им не говорила. Но они не слепые, не глухие и не глупые. Я отказалась от стольких работ, чтобы вернуться в Англию и быть с тобой. СМИ снаружи так раздули это, что они не могут не знать. Когда они узнают об этом, я не думаю, что мне нужно рассказывать им о наших отношениях".

Твен вспомнил сон, приснившийся ему в машине в тот день, когда Шанайа призналась в своих чувствах. Поэтому он осторожно спросил: "Что подумают твои родители? В конце концов, у нас с тобой... разница в возрасте двадцать два года".

Шанайа продолжала качать головой: "Я не знаю".

"Только не говори мне, что они не связывались с тобой?" Твен не верил, что при таком большом событии безответственные родители не искали Шанайю. В противном случае ему пришлось бы задуматься, была ли Шанайа их биологической дочерью.

"Они звонили один раз. Но они ничего не сказали по этому поводу. Они просто спросили о твоём состоянии".

"Ты не сказал им?"

"Почему я должна им говорить? Это моя личная жизнь, мое дело, и они тут ни при чем". Шанайе это показалось странным.

Слова Шанайи лишили Твена дара речи. В глубине души он все еще думал, что это традиционные китайские любовные отношения, которые требуют согласия родителей обеих сторон, прежде чем эти два человека могут считаться ...

Тогда мне не нужно думать, не решат ли безответственные родители, что я похитил их дочь. В любом случае, их обычно не волнует, как там их дочь. Даже если ее действительно похитили, я считаю, что они не узнают, пока похитители не потребуют выкуп".

Шанайа разразилась смехом: "Но когда твоё здоровье поправится, может быть, мы вместе совершим поездку в Бразилию. Я снова познакомлю тебя со своими родителями!".

Твен недоумевал, почему Шанайа вдруг передумала, когда увидел, что маленькая фея улыбнулась ему глазами, сверкающими от возбуждения и лукавства.

Она наклонилась и придвинулась ближе к Твену. Когда она выдохнула свое сладкое и теплое дыхание, Твен почувствовал, что возбуждается - кончики ее груди намеренно или ненамеренно терлись о его тело. Ее волосы свисали вниз и закрывали его лицо. В его ноздри постоянно

вдыхался аромат ее духов. Как только он открыл свое сердце, чтобы открыть истину своих чувств, он обнаружил, что жаждет обладать этим человеком.

Оказалось, что маленький персик уже давно созрел...

Но тут же ее слова испугали Твена.

"Дядя Тони, давай поженимся!".

"А?"

"Что значит "а?"?" Шанайа надулась.

"Ну..."

"Что значит "ну?""

Твен попытался бороться, но Шанайа крепко прижала его к кровати. "Доктор сказал, что ты должен оставаться в постели три дня после операции, дядя Тони".

"Это слишком неожиданно, не так ли?"

"Что слишком неожиданно?"

"Я имею в виду... насчет женитьбы. Мы еще не начали встречаться... Как мы можем пожениться так скоро?"

"Но мы любим друг друга уже пять лет".

Твен был совершенно обескуражен: "Почему я не знал об этом? Когда это началось?"

"Это началось, когда ты неуклюже пытался сделать кунжутную пасту для Шанайи, лежа на больничной койке". Губы Шанайи скривились, глаза изогнулись, как полумесяц, и она счастливо рассмеялась. "Именно тогда она влюбилась в этого дядю средних лет!"

Он поднял симпатичную молодую девушку с чашкой кунжутной пасты.

Твейн сетовала внутри, что любовные ценности Шанайи на самом деле равны чашке кунжутной пасты.

"Как ты можешь знать, что такое любовь в таком юном возрасте?" слабо ответил Твен.

"Это не имеет значения. Пяти лет достаточно, чтобы Шанайа узнала, что такое любовь". Шанайа была полна решимости заставить Твена покориться сегодня.

"Я решила, дядя Тони! Я хочу выйти за тебя замуж. Это окончательное решение. Никакие опровержения и апелляции не допускаются!".

"Ого, ты ведешь себя бесстыдно!".

"Мне все равно! Я держусь за тебя, дядя Тони! Я буду держаться за тебя до конца своей жизни!"

"Это нечестно, я протестую... Ну..."

Розовые губы Шанайи снова запечатали рот Твена.

"Твой протест недействителен". После влажного поцелуя Шанайа облизала губы. Ее лицо покраснелось, она слегка запыхалась, но все еще лукаво улыбалась. Твен даже разглядел пару остроконечных ушей, самодовольно покачивающихся на ее макушке, и коричневый хвост, покачивающийся за ее спиной.

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2071242>